

свойствам. В создании специального органа, призванного заниматься усовершенствованием природного языка, Сумароков предлагает воспользоваться примером Франции: «Французский язык всею своею красотою остроумным писателям должен, а наш сам собою прекрасен; и ежели умножатся у нас Стихотворцы и Риторы, а притом по времени *такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание*, счастливы будут писатели потомков наших».³

В 1770-е гг. функции организующего центра по усовершенствованию русского языка взяло на себя Вольное российское собрание, созданное при Московском университете в 1771 г. В него входили многие известные писатели и поэты того времени, в частности Фонвизин, Державин, Княжнин. Впоследствии все они станут членами Российской академии. Входила в него и княгиня Дашкова.

Тот факт, что приоритет в постановке теоретических вопросов, касавшихся формирования литературного языка, принадлежал в основном писателям, помогает понять еще одну особенность характеризуемого процесса. Будучи неотделимым от решения конкретных творческих задач, рассмотрение языковых проблем оказывалось одной из форм утверждения национального самосознания, включаясь в круг идеологической борьбы своего времени. Показательна в этом отношении резкость, с какой реагировал Ломоносов на появление псевдонаучных пособий, вроде подготовленной А.-Л. Шлецером на немецком языке «Российской грамматики», в которой отдельные этимологические изыскания о происхождении значения русских слов, оставались на уровне фантастических домыслов, поражали своей бестактностью и явным невежеством.⁴ Еще ранее, в 1749 г. Ломоносов подверг резкой критике «Русско-латино-французско-итальянский лексикон», подготовленный Г. Дандало и содержавший немало ошибок в истолковании значения русских слов и их этимологических соответствий с лексическими рядами латинского, французского и итальянского языков.⁵ Вот почему неоднократные попытки одиноких энтузиастов, вроде К. Кондратовича или А. Богданова, создать толковый словарь русского языка отвечали насущной потребности времени. В свете этих попыток находят свое объяснение и те курьезы в области этимологических изысканий, которые допускались Тредиаковским или Сумароковым в их стремлении утвердить приоритет древнеславянского праязыка в системе других европейских языков.

³ Трудолюбивая пчела. СПб. 1759. С. 97, (курсив мой. — Ю. С.).

⁴ См. отзыв Ломоносова на труд Шлецера от 6 августа 1764 г.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 1955. Т. 9. С. 426—428.

⁵ Там же. С. 621—624, 939—940.